Посвящается Рэндлу — первому читателю, рассказчику, рок-звезде

1

Сан-Франциско, Калифорния

Доктор Аннабель — или Анна — Шварцман работала полукруглой шовной иглой номер пять, какой обычно пользуются в ортопедической хирургии. Сжав вместе края Y-образного разреза, сделанного часом ранее, она начала зашивать грудь жертвы. Грудная клетка и туловище были сильно обожжены, от огня кожа сделалась хрупкой. Поскольку открытый гроб не предполагался, для закрытия разреза стандартный протокол предписывал использование скоб.

Шварцман предпочитала швы. Скобы были эффективны, но казались слишком грубыми. Швы накладывались медленнее, и она наслаждалась этими последними минутами работы с жертвой — что давало ей возможность полностью осознать смерть перед разговором со следователем.

И напряжение, и удовлетворение от работы судебно-медицинского эксперта заключались в том, что вы — последний голос жертвы. Именно Шварцман имела доступ к телу. Именно она определяла, наступила смерть по естественной причине или по какой-то иной. Это была напряженная, неторопливая работа, необходимая для того, чтобы изучить все части головоломки, которую требовалось собрать воедино, и на нее порой уходили многие часы.

На медицинском факультете многие ее однокурсники выбрали специальности, предполагавшие общение с живыми пациентами: гинекологию из-за радости рождения или педиатрию из любви к детям. Но и эти специальности также знали свои печали. Плод не всегда доживал до положенного срока. Дети заболевали и умирали.

Шварцман же общалась с пациентами самым интимным образом — проникая в их самые потаенные глубины, чтобы установить причину смерти. Многие сочли бы судебно-медицинскую экспертизу невозможным выбором. А для нее он был единственным. Люди выбирали медицину во имя героизма — лечения недугов, спасения жизней. В судебной медицине не было ничего героического. Лишь вопросы без ответов.

Верхний свет внезапно вырубился. Она помахала рукой, чтобы активировать датчик движения: после семи вечера свет автоматически выключался каждые десять минут. Прежде чем загореться, галогеновая лампа в углу сердито потрескивала — то вспыхивала, то гасла снова. В коридорах было темно, в комнате — тихо.

Некоторые судмедэксперты работали с громко включенной музыкой, но Шварцман предпочитала тишину — одна из причин, почему ей нравилось бывать в морге во внеурочные часы.

Она ехала домой после ужина с несколькими женщинами из полиции, когда позвонили из морга. Ее словно зарядили энергией, и она была готова к работе.

Шварцман поехала в морг не потому, что там ждала работа — работа ждала ее всегда. Что ей нравилось по-настоящему, так это пространство. Запах грейпфрутового лосьона, которым она пользовалась после мытья рук и перед тем, как надеть перчатки, уксусный запах чистых инструментов и стола.

Она всегда сначала чувствовала их запах — и лишь затем запах тела.

«Девичник» с коллегами из полиции дал ей возможность поговорить с инспектором отдела по расследованию убийств, Хейли Уайетт. Было интересно узнать ее за пределами мест преступлений, где они работали вместе. Шварцман удивилась самой себе, когда рассказала ей про Спенсера.

Как давно она этого не делала?

Мелани училась на последнем курсе медицинского факультета — семь с половиной лет назад, — и это был последний раз, когда Анна позволила себе сблизиться с кем-то.

Зазвонил мобильник. Пришла эсэмэска от Хейли.

Спасибо за компанию сегодня вечером. Увидимся завтра.

Шварцман улыбнулась. Она чувствовала их растущую близость. Они могут стать подругами.

Спенсер держал ее в изоляции, и не только пока они были женаты, но даже после того, как Анна сбежала от него. Он внушил ей, что он всегда рядом. Довериться кому-то — значит дать ключ, который может быть использован против нее.

Для нее было великим облегчением сказать правду — мужчина, которого она не видела более семи лет, неотвязно преследовал ее. Он убедил Шварцман, что ее мать в больнице. Сумел ускользнуть от службы безопасности в ее квартире и принести букет желтых цветов. Цвет, который Спенсер обожал, а она ненавидела.

Но он был глуп, полагая, что способен подобраться к ней.

Она работала в полиции. Этим букетом занялся лично Роджер Самперс — глава отдела по расследованию преступлений. Всего за шесть месяцев жизни в Сан-Франциско Шварцман почувствовала себя как дома. Здесь у нее впервые появилось собственное пространство. Она по-настоящему отвечала за свою работу. Это давало возможность уделять ей положенное внимание и добиться успехов в деле, которое она любила.

Анна была хорошим специалистом, и ее ценили. Ее поддерживали коллеги. У нее были… друзья. Нелепая мысль для тридцатишестилетней женщины, но вот она. Ей здесь понравилось.

Сиэтл всегда был перевалочным пунктом. Первый город вдали от Спенсера, место, где можно было перегруппироваться, завершить курс обучения. Сиэтл идеально подходил для того периода ее жизни.

Теперь она стала врачом и была готова начать карьеру, пустить корни на новом месте. Ей надоело оглядываться через плечо. Она была полна решимости остаться в Сан-Франциско, особенно после вечера, проведенного с этими женщинами.

Шварцман сделала последние записи и закончила работу. Она уже убирала тело обратно в холодильник, когда в кармане зазвонил телефон. Анна сняла перчатки и вытащила его из кармана лабораторного халата. *Хэл*.

— Ты — экстрасенс, — сказала она вместо приветствия.

— Правда? — ответил следователь отдела по расследованию убийств Хэл Харрис. За шесть месяцев совместной работы у них вошло в привычку слегка подтрунивать друг над другом, отчего ей нравилось работать вместе с ним. — Это почему?

— Я только что закончила работу с нашей обгоревшей жертвой.

— И?.. — спросил Хэл.

— Вскрытие показало массивную двустороннюю легочную тромбоэмболию с инфарктом легкого.

Хэл застонал:

— А теперь то же самое нормальным языком, Шварцман.

— Естественные причины. Он умер от массивных тромбов в легких.

— Чувак умирает естественной смертью, затем бросает сигарету в кровать и поджигает собственный дом?

Хэл умел подчеркнуть ироническую сторону их работы, но они всякий раз вздыхали с облегчением, если вскрытие показывало смерть по естественным причинам.

— Ага. Хочешь, чтобы я позвонила Хейли?

— Нет. Я сам ей скажу, — пообещал Хэл. — Ты готова еще к одному?

— Разумеется, — ответила Шварцман. Она всегда была готова взяться за что-то новое. С головой уйти в работу,

посидеть дома наедине с книгой или посмотреть старый черно-белый фильм — обычно из тех, что нравились ее отцу, — это были лучшие ее моменты.

Теперь, когда Спенсер снова ее нашел, отвлекающие факторы сделались еще важнее. Телефонные звонки, жуткий букет желтых цветов за дверью ее квартиры…

Хуже всего было то, что никто в хорошо охраняемом здании не мог объяснить, как доставщик смог попасть на ее этаж. Семь лет и пять месяцев прошло с тех пор, как она ушла, но Спенсер до сих пор не сдается.

— Я сброшу адрес эсэмэской и пришлю фотографию, — сказал Хэл. — Я вышел из дома около пяти минут назад.

— Постараюсь уехать отсюда не позже чем через десять.

— Отлично, — сказал Хэл. — Скоро увидимся.

Она была готова завершить разговор, когда он сказал:

— Эй, Шварцман!

— Да?

— Ты хорошо поработала над тем последним.

Анна улыбнулась. Хэл любил похвалить своих коллег — ее, следователей, работавших на месте преступления, патрульных. Еще одно из его приятных качеств.

— Спасибо, Хэл.

Она закончила разговор, сняла лабораторный халат и повесила его в узкий шкафчик. Поменяв оранжевые «Кроксы», которые носила в лаборатории, на уличную обувь, собрала свой рабочий чемоданчик. Снова загудел телефон. Это пришел обещанный Хэлом адрес. Дважды нажав на иконку прикрепленного к сообщению фото, она дождалась, когда то загрузится. Вскоре картинка обрела четкость.

Женщина. Примерно ее возраста. Темные, волнистые волосы. Лежит на кровати. По коже Шварцман моментально пробежала дрожь, словно сейсмические толчки. Кто-то уже накрыл простыней ее ноги и живот, словно покойную нашли обнаженной; но над линией талии была видна тон-

кая полоска одежды. Если бы не бледность кожи, ее можно было бы принять за спящую.

В руках она держала небольшой букетик желтых цветов.

2

Сан-Франциско, Калифорния

Шварцман посмотрела на мигалку припаркованной у тротуара патрульной машины. Между вращающимися вспышками синего ей мерещились бесконечные желтые цветы. Как она ни старалась, у нее не получалось выбросить из головы найденное за дверью. Никакого предупреждающего звонка от консьержа. Звякнул лишь дверной звонок. И все.

В глазок Анна увидела пустой коридор. Затем открыла дверь и нашла возле двери огромный букет. Бледно- и ярко-желтые розы, каллы, фрезии, хризантемы.

Она сжала кулаки, пытаясь побороть страх.

Огни мигалок рисовали на светлом фасаде здания тени и подсвечивали синим цветом нижнюю часть листьев на невысоких дубках, высаженных вдоль бульвара, создавая впечатление подводного мира.

Чтобы не окоченеть на зябком ночном воздухе Сан-Франциско, соседи стояли вдоль тротуара в куртках, накинутых прямо поверх пижамы или спортивного костюма. Сбившись небольшими группками и сложив на груди руки, люди смотрели на дом.

Они ждали ответов. Это не тот район, где убивают людей. Было видно, что они замерзли и напуганы. Шварцман могла сказать о себе то же самое.

Но она не поддастся страху. Она не знала точно, стоит ли за этой смертью Спенсер. Правило судебной медицины номер один: никогда не пытайтесь заранее предугадать результат. Именно это она ценила в своей работе. Никаких коротких путей.

Анна вышла из машины, открыла багажник и вынула черный чемоданчик с жесткими стенками. Сосредоточенно прошла по тротуару к зданию, показала удостоверение и переступила порог.

Кен Мэйси дежурил у двери.

— Добрый вечер, док.

Шварцман улыбнулась его добродушному лицу.

— Добрый вечер, Кен. Не ожидала увидеть вас сегодня вечером.

Она сняла короткие черные ботинки и надела темно-синие «Кроксы», которыми пользовалась, работая в помещении.

— Поменялся сменой с Харди. Он купил билеты на «Уорриорз»[1] и теперь ведет на матч всю семью.

— Повезло, — сказала она, довольная, что есть минутка перебросить парой слов с коллегой.

— Это точно.

Шварцман натянула поверх кроксов синие бахилы.

— Есть ли новые рестораны, чтобы пополнить мой список?

— Пробовали тот ливанский ресторанчик, который я рекомендовал? — спросил он.

— «Маззат». Попробовала, — подтвердила она. — Да. Была там. На прошлой неделе. Хотела поблагодарить вас по электронной почте. Я заказала кёфте. Вкуснотища.

Кен улыбнулся.

— Я тоже обожаю кёфте. И бамию.

У Кена имелся бесконечный список лучших заведений этнической кухни в городе, торговавших навынос.

— Готова попробовать еще что-нибудь новенькое.

— Замечательно, — сказал он. — У меня есть кое-что для вас, когда вы вернетесь.

---

[1] «Голден стейт уорриорз» — профессиональный баскетбольный клуб, выступающий в Национальной баскетбольной лиге и базирующийся в Сан-Франциско.

— Отлично. Я уверена, что проголодаюсь.

Кстати, она уже заметила одну особенность своей новой жизни в Сан-Франциско: здесь у нее усилился аппетит. В Сиэтле были потрясающие рестораны, но, увы, ей было не до них. Пребывая в вечном стрессе из-за Спенсера и учебы, Анна редко ела вне дома, а еда, которую она выбирала, скорее предназначалась для поддержки организма, а не для удовольствия.

И вот теперь, живя в новом городе, Шварцман частично избавилась от этого тяжкого груза, и ее аппетит улучшился. Для нее было обычным делом второй раз поужинать, поздно вернувшись домой с работы.

Она взяла чемоданчик и, переключив внимание на здание, перешла в рабочий режим. Обвела взглядом холл, пока еще не зная, куда ей нужно идти.

— Понял, — сказал Кен, покачав головой. — Извините. Поднимитесь на лифте на четвертый этаж. Там действительно чисто. Никакой крови.

— Спасибо, Кен, — сказала Шварцман и с чемоданчиком в руке шагнула в фойе.

Здание, вероятно, было построено в 1940-х годах. Узкий вход, крупная мраморная плитка популярного тогда цвета розовой лососины. Пройдя мимо женщины в пижаме, она вошла в пустой лифт как раз в тот момент, когда двери закрывались. Трясясь и содрогаясь, лифт поплыл вверх.

Но Шварцман все равно нравилось ехать в нем. Она не любила ходить по лестницам, особенно на выездных случаях.

Квартира жертвы явно была недавно отремонтирована. Повсюду дорогой паркет с широкой доской. Стены оштукатурены под бетон, в котором она узнала «американскую глину». Цвет «зеленый шалфей». На двух самых больших стенах висели две огромные масляные картины. На обеих сцены из сельской жизни. На одной — река и мельница, на другой — старый амбар. Стильный диван из шенилла с шелковыми декоративными подушками в цветочный орнамент.

Несмотря на декор, квартира производила жутковатое впечатление. В комнате было слишком светло. Слишком упорядоченно. На столе фотографии в рамках, расставленные под идеальным углом друг к другу. Ничего лишнего. Кто-то обожал порядок во всем.

Или хотел, чтобы сложилось именно такое впечатление.

Первой ее версией было домашнее убийство. Считалось, что их совершают алкоголики и наркоманы, но идеальный дом был таким же явным признаком дисфункции, как и тот, в котором царил бардак. Под внешней иллюзией совершенства нередко прячется нечто уродливое.

В доме Спенсера каждая вещь знала свое место. Вплоть до белой фарфоровой чашки, в которой обитала зубная щетка, когда ею не пользовались. То, как полотенца были вдеты в кольца для полотенец, в какую сторону разворачивался рулон туалетной бумаги. Теперь она никогда не использует кольца для полотенец. На протяжении семи с половиной лет. Кстати, в какую сторону смотрит рулон туалетной бумаги в ее ванной? Она не помнила.

Прогресс.

Хейли Уайетт была чем-то занята в дальнем конце гостиной с одним из следователей-криминалистов. Как и она сама, Хейли по-прежнему была в одежде, в которой сидела за ужином. Не желая их прерывать, Шварцман прошла мимо кухни. На столе рядом с разделочной доской из темного дерева, инкрустированной бамбуком, стоял единственный бокал, в нем на два пальца красного вина. Поперек его края лежал тонкий нож, чье лезвие торчало вбок и, казалось, в любой момент могло упасть. Крошки. Возможно, ужин. Вино и сыр с хлебом. Любимое блюдо Шварцман.

В короткий коридор выходили три двери. Комнаты были опрятными, чисто женскими и похожими по стилю на гостиную. Никаких признаков второго жильца. Шварцман остановилась у двери в кабинет. Там тоже все на своем месте. Письменный стол с открытой книгой. Между двумя страни-

цами желтая закладка. Ни компьютера, ни бумаг. Идеальный порядок. Даже слишком. Она двинулась дальше.

Тело будет в соседней комнате.

Мертвецы ее не пугали. Осклизлость кожи, волдыри, чернота разложения — не более чем естественные составляющие смерти. Даже запах утратил резкие нотки и стал вполне сносным.

Особенно если тело обнаружили рано, как сейчас.

В комнате слабо пахло зажженной свечой. Запах был землистый, с легкой пряной ноткой. Возможно, сандаловая палочка.

Когда Шварцман вошла в комнату, возле кровати, глядя на жертву, стоял детектив отдела по расследованию убийств Хэл Харрис. Детективов в Сан-Франциско по-прежнему именовали инспекторами, хотя ей еще не попадался ни один человек, который точно знал бы почему.

Даже в большой комнате Хэл занимал значительную часть пространства. Внушительный, ростом шесть футов четыре дюйма и весом более 220 фунтов, он имел безупречную темную кожу, на фоне которой его карие глаза казались зелеными, особенно при ярком свете. Его взгляд был суров, и в целом он производил впечатление человека, с которым лучше не связываться. Но за этим суровым фасадом скрывался другой Хэл — одновременно веселый и чрезвычайно добрый.

Она была особенно рада, что этот случай достался ему и Хейли. С момента ее переезда в Сан-Франциско, эти двое раскрыли пару сложных дел. Сочетание ума и решимости. Цветы по-прежнему нервировали Анну, и ей было спокойнее от того, что они здесь.

Когда она вошла, Хэл не стал бомбардировать ее вопросами. Наоборот, как обычно, не проронил ни слова.

Это была огромная спальня, особенно для квартиры в городе, где квадратные метры продавались по цене, кратной сотням долларов за каждый. Как и в любом другом случае, Шварцман первым делом изучила окружающее про-

странство. Часто окружающая обстановка придавала телу некий контекст. То, что она увидела здесь, было почти таким же. На стене единственная картина на стандартную тему: поле высокой пшеницы, которую колышет ветер.

На журнальном столике в гостиной стояло несколько фотографий в маленьких рамках, но в спальне ни одной не было. Ничего личного.

Тело лежало на аккуратно застеленной кровати. Простыню, покрывавшую его на присланном Хэлом фото, уже сняли. Женщина не была голой. На ней было желтое платье с бледным орнаментом.

Шварцман вспомнились однотипные наряды от Лилли Пулитцер, которые так обожал Спенсер. Рождество, Пасха и даже Четвертое июля отмечались новым платьем для нее и рубашкой в тон для него. Как будто они были детьми, одетыми богатой домохозяйкой. В ее нынешнем платяном шкафу не было ни единого желтого пятна. Во всем ее доме.

Желтое платье жертвы было разложено веером на одеяле и аккуратно расправлено. Золотые балетки. «Тори Берч» — Шварцман увидела на подошвах знакомый логотип.

И желтые цветы.

Они были не такими, как в букете, который она получила от Спенсера. Там был формальный букет, скорее похожий на свадебный, в то время как этот больше походил на букет полевых цветов: длинные стебли с крошечными цветочками, перевязанные обрывком белой нити, вроде кулинарного шпагата.

Совсем другой. Два разных букета желтых цветов. Совпадение.

Не все нити вели к Спенсеру.

Он лишь хотел, чтобы она так думала.

Обуздав свои мысли, Шварцман поставила чемоданчик на пол и извлекла из него свежий защитный комбинезон. Жертву нашли в спальне. Состоятельная, белая, тридцати с небольшим лет. Жившая в охраняемом доме.